

Перспективы социальной политики. КОМПЕТЕНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РЫХЛОЙ ЭКОНОМИКЕ?

Автор: Е. Ф. САБУРОВ

С начала процесса "монетизации льгот" в 2005 г. государство подало обществу сигнал о том, что отныне оно может расходовать на социальные нужды гораздо более существенные средства, чем прежде. Такое изменение ситуации ставит вопрос о качестве предлагаемых к финансированию проектов в частности и всей социальной политики в целом. Свой вариант анализа теоретических проблем, стоящих перед современной российской социальной политикой, предложил Л. Якобсон в статье "Социальная политика: коридоры возможностей", опубликованной в предыдущем номере журнала. Эти проблемы и предложенное их решение, на наш взгляд, требуют всестороннего обсуждения. Поэтому мы предложили ряду ученых - известных специалистов в данной сфере изложить свою точку зрения на высказанные Якобсоном соображения.

История с проходящей в России монетизацией льгот выявила ряд фундаментальных для экономики проблем. Конечно, первоначально пришлось выслушивать и читать пошлые рассуждения о "непроходимой глупости народа" и о "национальном характере", уже давно справедливо заклеенные Г. Беккером как свидетельствующие лишь о непрофессионализме их авторов [Беккер, 2004]. Затем внимание переключилось на проблему качества администрирования. Претензии в этом плане следует признать абсолютно справедливыми. Если верно утверждение, что монетизация льгот "готовилась и администрировалась тщательней, чем большинство мероприятий правительства за последние годы", то впору схватиться за голову в ужасе: что же это за мероприятия и что же это за правительство? Перечислять полуанекдотические и полутрагические подробности монетизации льгот, вроде сдачи инвалидами протезов или вызова стариков и старушек "на ковер" за тридевять земель или недосчет "по забывчивости" порядка миллиона льготников, не хватит ни места на бумаге, ни душевных сил. Однако протесты и сопротивления монетизации льгот касались не только этих "сопутствующих явлений", но и самой сути идеи, казалось бы разумной и оправданной моментом.

Работа Л. Якобсона представляется мне важным шагом вперед по пути осмысления общественных предпочтений или, вернее, мотивов коллективного выбора. Я согласен с цитируемым Якобсоном утверждением М. Блауга, что "мы тщетно ищем функцию общественных предпочтений там, где ее нет" [Блауг, 2004]. Впрочем, Якобсон не готов вовсе забыть про "функцию общественных предпочтений", поскольку крайне нормативно ориентирован. Его практическая посылка состоит в убеждении о возможности успешного проведения "мероприятий", если составить себе правильное представление об общественных предпочтениях и адекватно оценить коридор возможностей, исходя из ана-

С а б у р о в Евгений Федорович - доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем инвестирования, научный руководитель Института развития образования Государственного университета - Высшей школы экономики.

лиза институций и подбора подходящей "смазки" для их шестеренок. Я предполагаю позже вернуться к разговору об институциях, но сейчас хотел бы использовать в рассуждениях подход, скорее присущий микроэкономической теории. Думаю, что это не уведет нас в сторону от осмысления практики преобразований.

На мой взгляд, для понимания коллективного выбора и связанного с ним конструирования модели государства стоит обратиться к характеру индивидуальных предпочтений и модели рационального поведения индивидуума в конкретной частично инерционной, частично трансформируемой микроэкономической среде. Можно ли считать альтернативы выбора жестко заданными при более-менее понятной периодической процедуре самого выбора? Можно ли считать фиксированными сами индивидуальные предпочтения хотя бы на время, сравнимое с периодом между выборами? Наконец, можно ли считать, что собственная ресурсная оценка индивидуума не влияет на его индивидуальные предпочтения или хотя бы влияет как постоянная величина? Это далеко не все вопросы, отрицательный ответ на которые только усиливает утверждения теоремы о невозможности К. Дж. Эрроу [Эрроу, 2004] и ставит под сомнение все попытки ее как-то обойти. Не логичней ли считать, что индивидуальные предпочтения характеризуются непостоянством и неупорядоченностью, а группы коллективной рациональности создаются и распадаются с завидной скоростью, как в детском калейдоскопе. Мне трудно утверждать, что такое положение является основным в странах с развитой рыночной экономикой и устоявшимся демократическим строем. Конечно, нечто подобное существует и там, но, как уверяют нас жители этих стран, высокий уровень доверия между людьми способствует уважительному отношению индивидов к существующим институтам. Даже если мы признаем, что это абсолютная правда, а не ловкий пропагандистский ход, то по отношению к России мы никоим образом не можем утверждать, что доверие к государству и почтение к действующим институтам - база для рационального индивидуального поведения и упорядочения индивидуальных и коллективных предпочтений.

Я считаю чрезвычайно плодотворным внимание, которое Якобсон обратил на характер обязательств государства. Говоря о характере предпочтений, я предпочитаю термин "рыхлые" предпочтения [Сабуров, 2004]. Думаю, этот термин был бы уместен и в отношении государственных обязательств, однако используемый Якобсоном термин "мягкие" обязательства при всех его недостатках выполняет функцию мостика между социальной и производственной сферой уходящего социализма с их "мягкими бюджетными ограничениями". Впрочем, и этот термин также не представляется мне удачным, поскольку характеризует не способ хозяйствования в условиях социалистических институтов, но лишь особую форму подрыва национальной валюты и противодействия трансформации производств в переходный период.

Что касается функционирования социалистических институтов, то мне кажется более верным говорить о рыхлости ресурсных обязательств как государства перед населением, так и хозяйствующих субъектов между собой. Я, безусловно, поддерживаю мысль, что никакой отдельной социальной политики не было и не могло быть даже теоретически в условиях единого народнохозяйственного комплекса. Именно рыхлость ресурсных обязательств, то есть сочетание частей разной степени твердости и мягкости, да и наличие явных "дыр", порождала недоговороспособность всех и вся и делала невозможным индивидуальное поведение, основывающееся на доверии. Причины, по которым были призваны к жизни институты "рыхлых" или "мягких" обязательств, рассматривать здесь не место. Лично я считаю вслед за Ф. Хайеком, что ничего другого социализм предложить не мог [Хайек, 2005]. Однако, даже если бы тотальное планирование не было "пагубной самонадеянностью", все равно начальствующие предусмотрели бы возможность конструирования недоговороспособного государства. Иначе они остались бы без работы.

Рыхлость ресурсного обеспечения в соединении с теоретическим представлением о планировании порождает дефицит. Но каким должно быть рациональное индивидуальное поведение в экономике дефицита? Ясно, что источником благосостояния является государство. В то же время никакого доверия государству быть не может. Следует заме-

титель, что возникновение и неизбежность дефицита при социалистическом плановом способе хозяйствования прекрасно описаны в экономической литературе (достаточно вспомнить Я. Корнай), но поведение человека в экономике дефицита привлекало внимание авторов скорее художественной, нежели экономической литературы.

Экономика дефицита - это экономика надежды. Якобсон вынужден использовать такие выражения, как "шанс" и "легитимизированные ожидания". Отличие веры от надежды довольно фундаментально. В экономике доверия институт, лишаящийся доверия, выпадает из экономической среды. Обманувший доверие подлежит санкциям. В отличие от этого неоправданные надежды не ведут к дискредитации института. Скорее они говорят об ошибках надевшегося. В экономике, впрочем, как и в богословии, вера равносильна знанию. Ее потеря представляется катастрофой, меняющей мировоззренческое или экономическое пространство. Надо сказать, что богословие, будучи значительно старше и разработаннее, чем экономическая наука, указывает, что, вообще-то говоря, сегодня "мы видим, как сквозь тусклое стекло", а потому во многом руководствуемся не верой, а надеждой. Тем не менее, хотя в рыночной экономике с ее развитыми и понятными институтами тоже не все основано на доверии и надежде тоже есть место, но это место не сравнимо с ролью надежды в экономике дефицита.

Более чем полувековое пребывание в микроэкономической среде, в которой рациональное поведение основывалось на попытках "использовать шанс", породило набор определенных компетенций. Эти компетенции коренным образом отличаются от тех, которыми обладают люди, живущие в экономике доверия. Находящийся в ней человек, обращаясь к определенному институту, знает, на что он может рассчитывать и на что - нет. Конечно, у него может быть недостаток информации и он несет транзакционные издержки, хотя бы в виде оплаты услуг советников. В случае негативного исхода своих контактов человек может прийти к выводу о несправедливости или несовершенстве данного института и даже занять активно протестующую позицию. Вместе с тем выступление против не поколеблет его доверия к институту. Наоборот, именно уверенность в том, что институт соблюдает правила, заставляет протестовать против него, если правила осознаются как несправедливые. Человек, компетентный в экономике надежды, с самого начала не доверяет институту, к которому вынужден обратиться. Он понимает, что его права имеют вероятностную природу. Если в экономике доверия его права обязаны соблюдаться, то в экономике надежды никто не обязан это делать. В ход идет множество приемов, неизвестных в экономике доверия. Это и знаменитый обмен "ты мне - я тебе", и жалобы, совершенно не похожие на апелляции. Это и прямые взятки, и социальное давление. Назвать все это общим словом "коррупция", конечно, можно, но это не прояснит микроэкономическую природу явления, то есть метод формирования "цены вопроса" в экономике надежды.

Я не уверен, что наше знание о компетенциях российского населения, а отсюда и о способах рационального выбора индивидуального поведения, достаточно глубоко. Напротив, мне кажется, что мы не можем не только вырабатывать рекомендации, но и хоть сколько-нибудь внятно осознать реальную роль существующих институтов. Размытость спроса (индивидуальных предпочтений) и предложения ("мягкие" обязательства) в XX в. была усугублена постоянной революционной ломкой институтов общественной сферы и всего образа жизни людей. Не меньшие революционные метаморфозы испытывал миф о "золотом веке". Пожалуй, каждое десятилетие он конструировался заново. Люди старшего поколения помнят портреты И. Сталина, прикрепленные на стеклах автомобилей. Сегодня в роли "золотого века" выступают брежневские времена. Крайне сомнительно существование "признанных стратификации", основанное на традиции. Принцип "кто владеет прошлым, тот владеет будущим" неукоснительно использовался не только властями, но и любыми группами, претендующими на влияние. Единственная реальная традиция России XX в. - традиция непрерывных революционных преобразований. Однако, наряду с этой реальной традицией, существует и виртуальная традиция тоски по отсутствующей традиции. Такая виртуальная "Россия, которую мы потеряли" тем не менее могла бы оказывать влияние на реальность, если бы была об-

щепризнанной. Но пространство тоски атомизировано. Каждый потерял свою особую Россию.

И что будем консервировать?

Реальный консерватизм, или, вернее, консерватизмы XIX-XX вв., представлял собой весьма причудливый набор идеологий и способов действий от скептицизма через романтику до довольно агрессивно-революционных течений. Сегодня это, скорее, социальное *dolcefar niente* (сладостное безделье - *итал.*) с душком изоляционизма различной интенсивности. Думаю, что Якобсон имеет в виду нечто другое, о чем сказал Л. Ионин: "Суть консерватизма заключается в том, что он каждый раз новый, ибо является ответом на актуальную ситуацию сегодняшнего дня, и консервативная стратегия в целом, как и консервативные стратегии в отдельных сферах жизни, преследуют своей целью не создание новых (или воссоздание старых) утопий, а стабилизацию и совершенствование существующих структур и способов жизни" [Ионин, 2005, с. 170]. Такая трактовка совершенно в духе бессмертного позднего Т. С. Элиота. Здесь вполне уместно говорить и о коридоре возможностей, и о разумности оппортунистического поведения.

Хочу напомнить, что во времена, когда Элиот читал свои лекции "К определению понятия культура" [Элиот, 2004], весьма многие, если не большинство, жителей Соединенного Королевства, были удовлетворены "существующими структурами и способом жизни". Тем не менее и Британская империя, и британский способ жизни - сегодня лишь предмет сладкого исторического мифотворчества немногих специалистов. Даже твердолобый английский тори не станет ворошить отеческие могилы. Что же касается таких агрессивных революционеров, как М. Тэтчер и ее соратники, то при чем здесь "стабилизация и совершенствование существующих структур и способов жизни"? Вот уж кто далек от коридора возможностей и оппортунизма, так это нынешние консерваторы во главе с Дж. Бушем-младшим. Один Ирак чего стоит! А разорение бюджета США, собранного либералом У. Клинтонем с искусством Гобсека!

Возвращаясь в родную страну, мы вправе поставить вопрос несколько по-другому. С одной стороны, в России нет не только большинства, довольного "существующими структурами и способом жизни", но и сколько-нибудь активного и все-таки массового меньшинства, готового их защищать. С другой стороны, для российской интеллектуальной элиты становится все более привлекательным термин "консерватизм".

При этом спектр "консерваторов" нелогичен и попросту невозможен. От М. Юрьева до Якобсона. Я твердо убежден, что у Юрьева и Якобсона не может быть не только общего мотива для поддержки "консервативной идеи", но хоть и разных, но сколько-нибудь близких мотивов. Более того, для себя лично я понимаю возможность согласия с конкретными предложениями Якобсона, но в страшном сне не могу представить себя соглашающимся с Юрьевым.

Поэтому мне не представляется продуктивным анализ мотивов производителей интеллектуальных продуктов, но привлекает внимание характер рынка этих продуктов. Действительно, заказчик не может сформулировать требования к политэкономическим рекомендациям. Не стоит сводить эти требования к желанию заказчика "остаться у руля". Такое требование существует всегда, и ничего специфического для настоящего момента в нем нет. Во всем же остальном предпочтения заказчика являются предельно рыхлыми и быстро меняющимися. Дело не в том, что расширенное правительство, например, не является единым целым. Это как раз нормально. Дело в том, что одни и те же люди способны с небольшим интервалом высказывать противоположные суждения, не играя при этом в какую-то политическую игру, но делая это вполне искренне.

В свою очередь, производители интеллектуальных продуктов предлагают мероприятия, которые "приведут к чему-то хорошему". В условиях неопределенности спроса предлагать что-либо, имеющее ясные цели и идеологическую окраску, бессмысленно. На этом рынке обе стороны не доверяют друг другу и руководствуются надеждой на "что-то хорошее". При анализе такого рынка интересно не обнажение декларируемых, скрытых или даже подсознательных мотивов его участников. Более важно, что и потребители, и производители реализуют свои компетенции, приобретенные в процессе ра-

боты на советском интеллектуальном рынке надежды. Именно так писались рекомендации в ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Госплан СССР. Термин "консерватизм" представляется мне разумным камуфляжем, уверяющим, что автор рекомендаций в данном случае не придерживается четких социалистических или либеральных установок. Не в обиду Якобсону, а скорее с восхищением отмечу, что, пристально рассматривая приведенную им таблицу, сообразил, как представить свои собственные анархо-либеральные взгляды в виде консервативных. Без проблем. Да еще со ссылками на православную традицию.

Институциональные трансформации в значительной степени тормозятся из-за навыков поведения человека в иной микроэкономической среде. Эффективность институтов не может оцениваться без анализа отношения к ним, а здесь слово "шанс" значит неизмеримо больше, чем слово "право". Якобсон предлагает учитывать необходимость "выкупа" реформ, подразумевая под этим не только компенсаторные механизмы, но и падение социального дохода реформаторов в духе Дж. Стиглица и Беккера. Это более чем разумно, но требует отдельных исследований, так как затрагивает фундаментальный вопрос о различии оценок рациональности поведения в различных микроэкономических средах. Ограничиться институциональным подходом, который, в конечном счете, подразумевает жесткость в определении пучка прав индивида, здесь было бы малопродуктивным допущением.

Именно наличие у населения наработанного потребительского капитала, способствующего переработке общественных услуг в индивидуальные блага специфическим привычным образом, является основной причиной, отмеченной Эрроу институциональной инерции. Попробуйте на старости лет кардинально поменять свои навыки и компетенции. Величина "выкупа" может оказаться очень большой. Успешность, практичность и эффективность мероприятий, в том числе институционального характера, зависят от того, насколько хорошо обеспечена возможность приобретения новых навыков и компетенций производителями и потребителями общественных услуг при переходе от экономики надежды, "рыхлых" обязательств и предпочтений к экономике прав и доверия.

В заключение я вынужден отметить, что именно в России в результате своей революционной истории народ обрел навыки быстрого революционного изменения своих компетенций. Наплыв желающих поменять льготы на деньги оказался столь мощным, что монетизаторы попятнулись, оказавшись не готовыми к такому повороту событий и, как оказалось, к совершеннейшей неконсервативности населения такой, по их мнению, консервативной страны. Создается впечатление, что если какое-то время в России не произойдет радикальных перемен и не откроется новый спектр надежд, народ может почувствовать себя весьма некомфортно и устроит бог знает что.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беккер Г. С. Человеческое поведение. Экономический подход. М., 2004.

Блауг М. Методология экономической науки. М., 2004.

Ионин Л. Консерватизм // Апология. 2005. N 2.

Сабуров Е. Ф. Экономика образования и проблема выбора в условиях рыхлых упорядочений // Общественные науки и современность. 2004. N 6.

Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. М., 2005.

Элиот Т. С. Избранное: религия, культура, литература. М., 2004.

Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М., 2004.